

Степан Чахотин – автор «Голубой тетради»

С.С. Чахотин. 1910-е годы

Изучая историю литературы в Одессе, мы с каждым годом находим новые, забытые имена литераторов Серебряного века, ставших жертвами террора в годы советской власти.

Естественно, первое имя, которое вспоминается, – Вениамин Бабаджан, поэт, художник, искусствовед, расстрелянный в 1920 году. Сравнительно недавно мы узнали, что в Одессе в 1921 году чекисты расстреляли поэта Николая Бурлюка, брата «отца русского футуризма» Давида Бурлюка.

Недавно в Одессе побывал известный литературовед, профессор Иерусалимского университета Роман Тименчик. Он удивленно спросил: «А разве вы не писали еще о Степане Чахотине – поэте, художнике, авторе сборника «Голубая тетрадь», расстрелянного в 1931 году в Одессе?».

Так что Большой террор – это не только 1937-1938 годы, он на-

чался гораздо раньше. Роман Тименчик любезно сообщил нам адрес племянника Степана Чахотина – художника Пьера Чахотина, живущего в Италии и в России. Связавшись с ним, мы получили его статью о Степане Чахотине, отрывки из его писем матери, рисунки, фотографии, стихи.

В 2014 году в России выйдет большая книга материалов о Степане Чахотине, и можно надеяться, что этот незаурядный человек вернется в русскую литературу.

Евгений Голубовский

Степан Степанович Чахотин (1889-1931 гг.)

К открытию выставки акварелей и рисунков в Русском культурном центре в Монжероне под Парижем, посвященной 50-летию его гибели

Статья была мной написана и напечатана под псевдонимом Сергея Огнева в июльском номере 1981 года парижской газеты «Русская мысль». Теперь с незначительными доработками на страницах одесского альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» она выходит в 2014 году – в 125-ю годовщину его рождения и 100 лет спустя после публикации в Ярославле «Голубой тетради» – его единственного напечатанного сборника стихов. Тем самым состоится символическое возвращение поэта в город, где он жил и погиб во время репрессий 1931 года, известных как «Дело Весна», или «Расстрел военспецов». Я глубоко признателен Е.М. Голубовскому за предоставленную возможность через рассказ о моем дяде вернуть его в Одессу среди живых.

Петр Чахотин

11 июля 1981 года исполняется 50-летие мученической смерти Степана Степановича Чахотина, чуткого поэта и тонкого художника, расстрелянного в Одессе в 1931 году.

Будучи не от мира сего, он не был приспособлен к «строившейся новой жизни» в России и потому в нашей семье он оказался первой жертвой произвола НКВД.

После Ст. Ст. Чахотина в семейном архиве осталось около 400 его писем к матери, сборник стихов «Голубая тетрадь», более чем

200 рисунков, акварелей-миниатюр, виньеток, рисованных открыток. Не меньшее их число потеряно при пересылке по почте в 20-х годах, около 120 крупных работ (масло, темпера, карандаш) разошлось по Одессе в ту же пору, несколько десятков его работ было распродано на выставках во Франции и Италии в 1918-1919 гг. Число работ, утерянных при аресте, неизвестно. Пропали бесследно несколько неопубликованных тетрадей стихов, рукописи рассказов, пьес, критических заметок и пр., о коих упоминается в письмах. Пропала также жизнь талантливого, сердечного и отзывчивого человека, как, впрочем, и многих других совершенно безвинных людей нашей страны.

Ст. Ст. Чахотин родился в 1889 году, 1 октября (ст. ст.), в Константинополе в семье русского консула Степана Ивановича Чахотина. Он был младшим из 4-х братьев.

Все свое раннее детство он проводит сначала в Турции, а затем на юге Сербии, в городе Нише, куда отец направлен на дипломатическую службу в качестве представителя российского государства при сербском дворе. Южное море, изобилие солнечного света и тепла, «звенящие» краски средиземноморской природы, жизнерадостность и темперамент южан на всю жизнь оставили неизгладимый след в чуткой душе мальчика, воспитывавшегося в исключительно благоприятных для духовного развития условиях окружения консульского дома, но в одиночестве. Старшие братья были отправлены на учебу в Россию, в Одессу. Родители разошлись по неизвестной нам сегодня причине, и мать, дворянка венгеро-итальянского происхождения, уехала жить в Италию и на Французскую Ривьеру. И вот сначала недоумение, а затем боль закрадываются в душу подростка. Еще нетвердым детским почерком он пишет первые письма к матери, нежно называя ее *Мусей*, рассказывая ей об увиденном, о своих юношеских переживаниях; нередко он вкладывает в письма собственные стихи и сам разрисовывает картолины (почтовые открытки). Таким образом, уже в то время вырабатывается у него привычка, ставшая затем внутренней потребностью, частью его самого, и красной нитью прошедшая через всю его жизнь, – переписка с родительницей, свидетельство о самом сильном чувстве, жившем в нем: любви к матери.

Эти письма, зачастую иллюстрированные им в самых различных и невероятных местах – в поездках, учебе, на войне, в заключении в одесской тюрьме или в периоды пребывания в самой безысходной житейской яме – из года в год без прикрас и вымысла повествуют нам сегодня, более полвека спустя, о жизненном пути и трагедии этого человека.

1903 г. знаменует начало его самостоятельного существования – учеба в одесской гимназии и жизнь в пансионе, вдали от отчего дома. Россия – ее холод, снежность, внешняя безликость, угрюмость, бесчисленные бессмысленные вечно неразрешимые проблемы – разительно отличается от привычного любезного южного края:

«...где нет
ни стуж, ни вьюг,
где солнце – Бог,
где горя нет, где нет –
тревог,
где царь – Поэт»,

о чем пишет он в стихотворении «Семь посланий на Юг» (1905 г.), в котором удивительным чутьем поэта невольно задолго до трагических событий предвидел свою судьбу. И потому, как только наступает каникулярное время, со рвением стремится он на юг, в Ниш, Венецию, Верону...

1908 г. Москва. Учеба в Николаевском лицее. Рядом со скучными занятиями по римскому праву – увлекательная культурная жизнь литературных салонов, стихотворных кружков, театров, балов. Несмотря на ограниченные средства к существованию, посылаемые отцом на учебу, он живет активной творческой жизнью, много рисует, пишет стихи и читает их в кружках среди своих сверстников и близких друзей – Пети Лермонтова и Юрия Всеволодовича Мусина-Пушкина, с которыми он не порывал дружбы до конца своих дней.

Осенью 1910 г. он поступает в Демидовский лицей (Ярославский университет) на факультет права. Город на Волге приводит его в уныние своей провинциальностью, многомесячным

СЕМЬ ПЕСНИЦЪ МЛ ЮС.

Суровый мандь

Где или привесъ
Где на Ю,
Где летъ
ли стужа, ли вьюга!
Где Солнце — Богъ,
Где горъ летъ, где летъ —
Превозъ,
Где Царь — Господь!

затишьем, плоскостью. Воспоминания об Италии, каналах и палатцы Венеции, нежных звучаниях мандолин не дают ему покоя. Он часто ездит в Москву, чтобы окунуться в творческую круговерть столичной жизни. Увлечшись театром, он начинает выступать

в Ярославском театре имени Волкова в пьесах «Измаил», «Принцесса Турандот», «Царь Эдип» и др. Это окрыляет его. Он чувствует в себе поэтическую наклонность и много пишет. Наконец в 1913 г. сборник стихов готов, но средств на его издание нет. Тем временем он заканчивает университет, поступает на службу, у него появляются кое-какие свободные деньги, что дает возможность «Голубой тетради» увидеть свет в 1914 г. в количестве 500 экземпляров за несколько месяцев до начала первой мировой войны.

...Мне снится вновь
И призрачность каналов,
И тихая печаль гондол,
И дружный звон изысканных бокалов,
И убранный цветами стол...

Таков лейтмотив сборника и довоенного периода молодого русского поэта, в мечтах и грезах стремившегося к неуловимой гармонии.

Эйфория первых месяцев войны. После военных лагерей под Рязанью Ст. Ст. Чахотин произведен в офицеры и в чине поручика направляется на фронт в Южную Польшу, в Галицию, возле города Грибов, где командует гренадерами 405 пехотного Львовского полка. В начале 1916 года он переведен в Русскую армию во Франции, откуда в составе 7-го полка 4-й особой бригады Восточной армии он командирован на македонский фронт. После ранения он заболевает малярией и в начале 1917 года лечится в госпитале в Каннах. Он находится во Франции, когда в России происходит Февральская революция, а затем октябрьский переворот. Русская армия во Франции разваливается. Он пытается добровольцем перейти в итальянскую армию, но безуспешно, и собирается выйти в отставку.

Но вот случается непредвиденное: потеря в 1919 г. в поезде в Лионе чемодана с личными вещами решает его дальнейшую судьбу. Он вынужден остаться в армии и преподает бомбометание и пулеметную стрельбу в лагерях под городом Сабл-д'Олонн на берегу Атлантики. Оставшись без средств к существованию, он сильно бедствует. В конце 1919 г. ему предлагают подписать обязательство на отъезд в Россию.

16/10/1905

Дорогой Муха!

Целую крепко тебе и жду
весточки. Свадьбу прихотел
Мандер с планом именин,
судя по всему это, кажется,
хорошее имение и много
приятностей. Я только сделал
ошибку, написал 991 десерт
вместо 719. Это серьезно? Я
думаю уж десерт 28 май,
оправдывайся! До свидания!
Целую еще. Ос. П. 7. Д. Сакон
Смена

по имени Муха?

Ирония судьбы и несправедливость жизни: переехавшая в Ментон мать, которой в течение всей войны он высылал большую часть своего офицерского жалования, вместо того чтобы поддержать сына, заваливает его потоком панических (из-за отсутствия у нее денег) писем. Он всячески пытается ее успокоить, и, в конце концов, в надежде, что сможет привезти из России средства для матери, дает согласие на отправку в Россию.

До отъезда он много рисует, устраивает ряд выставок своих рисунков и акварелей в Ментоне, Тулоне, Ницце, Венеции. На них представлены ранние произведения: акварели-миниатюры, орнаменты, фантазии, виньетки, рисованные тушью, рисунки карандашом из русского периода, зарисовки с фронта и виды моря в Сабл-д'Олонн. Он подписывается псевдонимом *Пьер Зимов* и монограммой СЧ. Появляются рецензии. Кое-что продается и остается во Франции, часть работ он оставляет матери, а большую часть увозит в Одессу, куда прибывает в январе 1920 г., в момент разгрома Белой армии: Котовский захватил город, и «мышеловка захлопнулась». Его арестовывают, и он находится в заключении с февраля по август 1920 г.

Период 1920-1921 гг. очень неясный: имеются всего два письма. В одном, датированном 7 января 1920 г., он просит мать помочь ему через итальянские власти выехать из России. В другом, от 4 августа 1921 г., он сообщает о смерти отца и о том, что рисует много и пишет стихи, что друзья зовут его в Москву, где прочтут успех его творчеству. Но денег на то, чтобы перебраться в столицу, нет, да и надеется он, что скоро увидится с матерью, так как полагает, что получит разрешение на выезд во Францию.

С этого момента и начинается его трагически кончившееся десятилетнее «хождение по мукам», о котором мы узнаем из дошедших и сохранившихся 237 писем, написанных к матери из Одессы.

«...Вчера у меня украли мои единственные 2 простыни... сiju совсем без белья, без сапог...»; «С воинского учета не снят, с паспортом застряло...»; «Рисунков не присылаю... Теперь запрещается присылать несколько их в письмах»; «Письма пропадают, тут уж ничего не поделаешь... человек к человеку стал буквально зверем...»; «...За последние 2 недели я почти голодал и продолжаю бедствовать как еще никогда, т. к. я все в ожидании уплаты за уроки,

1903
D. D. D. D. D.

Почитай
или мне
открыть,
открыть,
в котором
по правде?
Дорогой

Мурел!

Цены крепко меда, благодарю за откры-
тку, картинку оиданн, но скажи, что
цена очень высокая. Если хочешь по-
нечто убавить цену, но по почте
не смогут, неарно чкае, конечно
спрашивает твой адрес. Нам
самый лучший? Кому ответе. Это тоже
фрагмент мой, Процай - ценно еще, Кла,
Во. Анд. О. т. т. и. с. стена.

Одесса, 1924 г. 4-я станция Большого Фонтана,
возле кадетского училища

которые продолжаю вести с трудом и усталостью из-за полного истощения организма...»; «...Ты пишешь, что хочешь мне послать сыр и пр. Ни в коем случае этого не делай, т. к. пошлина на *Objets de luxe* (в том числе и на мыло) колоссальная... Я надеялся не отсылать твоей (прошлой) посылки, но пришлось отказаться от выкупа ее»; «...За последние две недели я потерял 2-1/2 урока и утренний ежедневный чай с двумя бутербродами...»; «...Вчера имел мясной обед за урок, а то в сто-

ловых голодно и дорого...»; «Купили у меня 2 картинки, но за какую цену (!) – 5 р. за обе. Одна из них за границей продавалась (копия) по 50 фр. И то я все еще денег получить не могу...»; «Вот я со своими знаниями языков, живописи, литературы, военной специализацией, знакомством с печатным и редакционным делом – полный нуль...»; «Твое последнее письмо пришло в полуразорванном виде, перевязан был конверт веревочкой...»; «О поездке к тебе... сейчас это невыполнимо, и мои хлопоты еще 1,5-2 года назад ничем не увенчались без объяснения причины отказа...»; «Слышал сегодня, что опять разрешения на выезд не выдают... Прямо ужасно, что у меня нет возможности жить с тобой...»

Чтобы как-то свести концы с концами и накопить денег на визу, он выполняет самые различные работы: преподает граммотетание в одесском пехотном училище, дает частные уроки французского, английского, немецкого на русском и украинском языках, уроки рисования, преподает живопись, рисует плакаты, оформляет диапозитивы и журналы, выполняет переводы, изготавливает брошки, табакерки и шкатулки, разрисовывая и продавая их за бесценок. Но все бесполезно. То денег не хватает, так как все заработанное уходит на скудное пропитание и уплату скромного съемного жилья, то неожиданно стоимость визы под-

скакивает с 30 до 300 рублей, то потом его вновь арестовывают в 1925 г., и он сидит под следствием в одесском ДОПРе в течение пяти месяцев. Затем его не снимают с военного учета и, наконец, с 1927 г. за границу вообще никого больше не выпускают. И постепенно в нем угасает всякая надежда на соединение с матерью, любовь к которой он пронес через всю жизнь.

...Я шлю привет,
Но у меня
Уж нет
В душе – души огня...
Я не ищу пути, которого мне не найти...
Кроме мечты и грез я ничего на свете не люблю
И все ж теперя на юг привет
Я шлю,
Где Солнце – Бог, где Царь – Поэт!..

И несмотря на все, он находит в себе силы регулярно писать матери, подбадривая ее, давая советы, вкладывая в почти каждый конверт то единственное, чем он богат: его рисунки, вьетки, акварели-фантазии, понимая, что этим он доставляет ей приятное. Он сокрушается лишь о том, что многие письма пропадают, но продолжает посылать свои рисованные открытки, будто он мог предчувствовать, что, действуя таким образом, он реализует свой единственный шанс остаться среди живых после смерти и дать мысли и духу, коли не удалось телу, возможность вырваться из-за железного занавеса. И в его адрес можно словами поэта сказать: «Не сломлен дух...».

Этот одесский период жизни Ст. Ст. Чахотина является наиболее плодотворным в его творчестве. Он пишет много стихов, печатается в каком-то одесском журнале и собирается издать сборники стихотворений, пишет рассказы, в том числе «Шестой палец на руке» (1928), одноактную пьесу «Журфикс гражданки Икс» (1926 г.), упоминает о том, что пишет роман, который читал в кругу друзей (1924 г.), переводит и иллюстрирует песни Билитиса (1930 г.), составляет короткую монографию о художниках Давиде и Энгре (1927 г.) и, сидя в ДОПРе (1925 г.) ставит с другими заключенными

театральные пьесы (как тут не вспомнить артистические группы соловецких заключенных 20-х годов?). Он много рисует и чувствует, что его рука достигла удивительной легкости и мастерства. Он принят в Одесское отделение Союза художников, участвует в нескольких выставках, и многое из того, что им писано и рисовано в Одессе в эту пору, расходуется среди знакомых и незнакомых за бесценок, «за пару подержанных башмаков, за старый пиджак...». Где все эти работы и то, что было у него в момент ареста? Неизвестно, пропало с концами, вместе с этими же людьми, ведь так дав-

но все это было, и столько событий больших и малых совершилось.

И тем не менее, рассматривая сохранившиеся рисунки, читая письма, удастся восстановить достаточно цельное представление об одном талантливом русском человеке другого времени, истекшей эпохи.

Хочется надеяться, что выставка, которая состоится в Русском культурном центре в Монжероне, затронет чувства посетителей своей нынче редкой мелодией человеческого голоса:

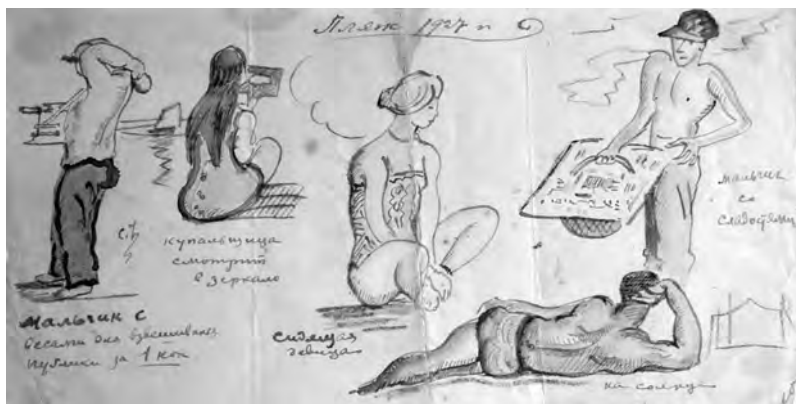
Молись любви. Ее красотам
счета нет.
Прильни к ее сладчайшим сотам,
Пей, поэт,
Из кубка нег, из чаш томления
И песни волей вдохновенья
Пой, поэт!

Петр Чахотин. 1981 г.

* * *

2-05. Письмо. Между ноябрем 1905 и январем 1906 г. Одесса. Гимназия. В Венецию. (Беспорядки в Одессе – время первой русской революции. Легко датировать.)

Дорогая Муся! Спасибо за все твои письма, открытки и поздравления, крепко целую и желаю тебе здоровья. Извини, что на несколько твоих писем – одним, но времени так мало, хотя в гимназию я еще не хожу. Из-за этого возмутительного погрома до сих пор еще не заключен контракт, впрочем, надеюсь, на днях все это устроится, если все будет спокойно. Посылаю счет за сентябрь и октябрь, из которого ты можешь заключить, как разошлись деньги, так что последние 100 р. я мог послать не раньше, чем заплатит Кантор, Кугут и Ланге в конце этого месяца; я послал их вчера переводом *Banque d'Italie*. В кассе осталось еще около 80 рублей, из которых 50 надо будет заплатить за воду. В начале ноября нет никаких почти доходов, так что я не знаю, как ты будешь до 20-го, занять, что ли, у кого-нибудь? Напиши, пожалуйста, иначе могут произойти снова неприятности. Теперь перехожу к беспорядкам. Я тоже несколько пострадал, но – глупости, чепуха. Прошу вас не слишком волноваться, читая. Еще в первый день, когда начали опрокидывать конки (трамваи, возимые лошаадьми. – П. Ч.) и когда было убито до 80 человек на Ришельевской

Одесса, 1927 г. На пляже

Одесса, 1926 г. Рыбачьи лодки

и Нежинской, я вернулся из университета, где должна была быть в этот день третья гимназическая сходка. Я был на первых двух, чтобы составить себе верный взгляд, и посмеялся хорошо. Что ж, порывы и идеи очень хороши у всех этих, очень искренние и возвышенны, но как они мало развиты! О, они, конечно, знают Маркса, Энгельса, всю историю развития социализма, некоторым из них нетрудно разобраться во всем, что касается социологии и политической экономии (и только!), хотя много, очень много толпы. Но что ж дальше? Говорят много речей, красивых и безобразных, неумных и неглупых, но все вертится на одном: «Долой самодержавие!», «Свобода, свобода», а между тем сами они плохо, неясно понимают свободу, они думают только о свободе чисто материальной, не понимая, что есть другая, другая истинная высшая красота и метафизическая свобода. Ну, и так при мне начали на Дерибасовской разносить оружейный магазин; полиции – никого, странно; долго-долго ломались, наконец влезли, все разнесли, разбежались (конечно, я не участвовал во всех этих приключениях, я оставался зрителем, смотрел в бинокль); тогда явились

Одесса, 1927 г.

казаки, многих избили, я ушел в театр. Затем, когда часам к 3-м я, пообедавши, уже после перестрелки, снова отправился по городу и уже возвращался домой по Ришельевской...

12-17. Письмо. 23.02.17. Македонский фронт из окопов в Париж («Окопы»). Степа проклинает македонский фронт. Зачем лучших русских воинов переправили туда и на французский фронт: вероятно, чтобы ослабить русскую армию и облегчить задачу большевикам – вот предательство англичан и французов! – негодных союзников – да и «пятой колонны» в России. – П. Ч.)

Милая Муся. Пишу тебе в сквернейшую погоду. Вот два дня уже, особенно сегодня, что у нас творится нечто невозможное. Сейчас проливной дождь при сильнейшем ветре; сижу в землянке, почти не выхожу. Мы все проклинаем эту Македонию, где ничего хорошего нет; наш русский фронт по сравнению с этим – рай. Дует из всех щелей напропалую, течет то здесь, то там. И то еще я переехал в другую землянку, поменьше, а в прежней, большой,

где остался единственный теперь у меня младший офицер, – потоп. Особенно раздражает ветер. Вроде Нишскаго Кошава, но тот сухой и холодный. Денщик мой Федька I, которого ты знаешь по Бресту, уверяет довольно основательно, что весною здесь должно быть всегда так, т. к. у местных жителей на домах крыши покрыты тяжелыми каменными плитами. Это: март. В январе еще были теплые прелестные дни, и на передовой позиции жились сравнительно хорошо. Что у меня вообще скверный участок, это известно всем и каждому, т. к. болгарские минометы уже сделали свое дело: благодаря им и пулеметному огню, который косит вечерами по нашему гребню, да вообще меткому ружейному огню стрелков противника – убитых у меня в роте уже человек 5 и раненых около 20 за 40 дней стоянки. При том это еще мирная обстановка, т. к. в наступление мы еще не переходили. Но все это пустяки, проживем – увидим, скоро будет настоящая весна. Да и то у меня в роте во многом отношении еще лучше, чем в других, есть дезинфекционный костер, баня. Очень я что-то расписался. Итак, сообщи Коле при случае, что я охотно бы не утруждал его разбиранием чисел на моих письмах, если бы только у меня когда-

нибудь было спокойное состояние и времени достаточно, чтобы написать, как пишут в мирной обстановке. Покончим с этим, тем более что редко пишу не только ему, но и всем, кроме тебя. Знаю и вижу по письмам, что ты тревожишься. Это лишнее, так как все еще обстоит лучше, чем могло бы обстоять. Целую крепко тебя, Колю и тетю Терезу. Пиши чаще и скажи Коле, чтобы чаще писал. Любящий тебя, Степа.

1-21. Письмо. 4 августа 1921 г. Одесса

Милая Муся. Очень давно не писал тебе, так что, вероятно, и не ожидаешь этого письма?* Очень буду рад, если оно найдет тебя, т. к. за это время твой адрес мог перемениться. Целую крепко, прежде всего, тебя и тетю Терезу, а также ее внуков, Сережу и Колю, сердечный привет Соне и Лелику, *miss Newett*. Надеюсь, она жива? и всем остальным итальянцам, в том числе Адольфу и его сестрам. Впрочем, думаю написать ему отдельно. Надеюсь, все вы здоровы и у вас все благополучно. Скучно без вас. Я все по-прежнему безвыездно сижу в Одессе. Папу, бедного, похоронили почти уже год тому назад. Дедушка жив и бодр, несмотря на свои годы, впрочем, давно не был у них, т. к. сижу без ботинок. На днях найду и сообщу, что тебе написал, а то он не знает. Тетя Вера очень исхудала и постарела. Живут они на Пушкинской, тетя Вера дает уроки музыки. Ваня недавно уехал со всей семьей на лето в деревню, где-то в окрестностях Одессы. Шура и тетя Поля здесь, служат, Анна Васильевна вместе с тетей Полей в госпитале служит. Эмины дети растут и выглядят отлично, веселые и очень славные. После папиной смерти – в течение всей зимы я их видел ежедневно, так как обедал у Эммы, но с весны стал обедать по столовым.

* Насколько мне помнится из рассказов моего старшего брата Сережи (от первого брака отца с Эммой Хаас), через некоторое время после приезда Одессу захватила конармия Котовского, и Степа как офицер был арестован в первый раз и, кажется, просидел некоторое время, но затем был освобожден. Этим, вероятно, объясняется, почему нет от него писем в течение долгого времени. После освобождения он стал работать в качестве инструктора-гранатометчика при каком-то одесском военном училище, где проработал до второго ареста, уже в 1925 году, после того как в училище случилось несчастье – в его группе погиб курсант от разорвавшейся гранаты. Просидел Степан в ДОПрЕ (Доме предварительного заключения) около 3 месяцев. В течение всего периода с 1921 по 1925 он пытался выехать обратно за рубеж, но безуспешно. – П. Ч.

С утра в течение шести часов я на службе, так что только уже к вечеру успеваю выпутаться. Раньше довольно часто ходил в театр, но теперь больше сижу по вечерам дома и читаю. Недурно танцует выступающая молодая балерина Пушкина, а на эти три дня приехала на гастроли Гельцер. Живопись почти забросил, а в прошлом году мои художественные коробки шли еще довольно удачно. Лето довольно жаркое, но я живу в Отраде и море близко, да и на службу ходить недалеко, Пиши обязательно и поскорее по адресу Эммы – Большая Арнаутская, 5. С Мусиным-Пушкиным (в Москве он) переписывался, он и Алексеевы звали меня очень в Москву, жизнь интереснее там, чем здесь, но я еще не собрался. Папу, хотя похоронили очень далеко – на 3-ьем кладбище, но Анна Васильевна много старалась о памятнике, и сейчас у его могилы незаброшенный вид. Любящий тебя сын Степа.

1922

1-22. Письмо. 16 августа 1922 г. Москва

Милая Муся. Крепко целую тебя и надеюсь ты здорова. Профессор Ключников привезет это письмо для тебя Сереже в Берлин, чему я очень рад, т. к. не знаю ни твоего, ни Сережиного точного адреса. С мая нет от тебя вестей, что тревожит меня, и не могу понять, почему не пишешь или не доходят письма. Скоро месяц, что я в Москве, но на днях еду обратно в Одессу, так как здесь был в отпуску. В Москве так хорошо, что я мечтаю на зиму перевестись сюда. Жизнь совершенно другая, чем в Одессе. Люди сердечнее, а в Одессе все вертится на спекулятивных началах, жизнь дорога и притом глубоко провинциальна. Работаю мало по искусству, военная служба и заботы о хлебе насущном поглощают все время и силы. В Москве же я выставил в «Вхутемасе» (бывшее Строгановское училище) свои коробки, но мало, всего 15 штук: сейчас все на дачах, и рассчитывать на успех материальный трудно. В Одессе изредка делаю эскизы к портретам, а здесь иногда вечерами у Всеволода Юрьевича Мусина-Пушкина работаю над новыми пудреницами, портсигарами и проч. Повидал много знакомых, был у тети Вари, она помолодела даже, хотя

уверяет, что «поветшала». Мария Карловна с ней и сестра Юрочкиной жены (служит в «Ара»). Говорят, что Юрочка где-то на стороне вторично женился, не разведясь с женой, что очень огорчает тетю Варю. Он не в Москве, во всяком случае, а где-то на Юге, в Киеве или Одессе. Лермонтова еще не видел, но написал ему в Кострому, Пушкин женился, и я у него живу, как дома. Они такие милые. Целую тебя еще крепко, крепко. Пиши скорей в Одессу! Отрадная д. 6, кв. 4, Александру Ал. Балыку для С. Ч.

6-22. Письмо. 10 ноября 1922 г. Одесса

Милая Муся. Вчера, когда относил письмо на почту, оказалось, что простое за границу 1,5 миллиона, а заказное – 3 миллиона! Неделю тому назад еще за заказное я платил 1 мил. 200. Да еще к тому же письмо весом не более 20 гр., а у меня весило оно больше, пришлось отказаться, так как в кармане едва набралось бы около 1.300. Слишком рано я расхвастался со вторым портсигаром, оказалось, что заказчику нужно не для папирос, а для табаку, открывающийся сбоку, а не сверху. Пришлось взять его обратно и 5 мил. не заработать. Все это вынудило меня обождать до сегодняшнего дня, и то придется послать письмо простым. Часть этого большого письма я переложил в письмо, отправленное с оказией – дойдет ли только оно, так что не удивляйся, если в двух конвертах найдешь отрывки одного и того же письма. Вчера опять лил проливной дождь, и так захолодало, что сижу в комнате в шинели. Вчерашний день прошел очень скучно, и меня тянет в Москву, но выехать раньше весны не удастся. В дороге очень трудно, все

Одесса, 1928 г. Восточная фантазия

непредвиденные расходы, так в Киеве мне пришлось продать простыню и другие мелочи. Рисовал набросок портрета одной знакомой *Mlle* и подарил его, а вышел недурно, но в скупой Одессе с портретами далеко не уйдешь. Вообще искусство ничего не дает, надо иметь технические знания, быть механиком или чем-либо в этом роде – тогда еще ничего – жить можно. Крепко целую тебя, Муся. Пиши чаще. Письмо к *Veller* присоединяю к этому письму, а в том, посланном с оказией, его нет. Любящий тебя, Степа.

9-23. Письмо. 22 июля 1923 г. Одесса. Среднефонтанская дорога, бывший. Кад(етский) корпус, 4-ая станция. 13 пех(отная) Ком(андирская) школа, кв. № 21. Чахотину

Милый Коля. Тебе, правда, очень давно не писал, но не удивляйся этому. Условия жизни и прочее не позволяли мне собраться и черкнуть даже пару слов. Очень тебе благодарен за 25 франков (пересланные из Тулы: 50 млн), а также за посылку, кот. несмотря на сделанную мне льготу, – вместо 3,5 миллиарда 1 млрд 300 млн пошлины – обошлась все-таки далеко недешево. Главное, что такую сумму сразу трудно достать, а заработать тем более, и, кроме того, шелковые галстуки, хотя и старые, испортили все дело. Костюм пришлось сейчас же «загнать» (т. е. продать). Ботинки и носки ношу, рубахи и кальсоны – тоже. Последнее мне очень пригодилось: у меня решительно ничего не было. Все, что получаешь раз или два в год из белья или обмундирования, приходится в тяжелую минуту продать. Даже за последнее время дошел до портянок, которые ненавижу, и натер ногу. Лежал дней 10 и так как никого у меня из близких нет на 4-ой станции, то приходилось очень туго и с обедом и с прочим. Казенные ботинки также утомляют чрезвычайно при вечной беготне, так что хотя твои и в весьма плачевном виде, но все же хожу в них на море и очень им рад. Из папиного имущества, доставшегося на мою долю, остались пустяки, которые не только трудно, но и совсем продать нельзя, а то бы, конечно, и от этого добра отделался. Живу неприглядно – кое-как перебиваюсь, хотя теперь и увеличили жалованье. Недели через две поеду в командировку в Харьков на Олимпиаду (спортивные состязания). С Эммой совсем порвал. Лучшее, что мог бы ты сделать для меня, если имеешь возможность, – послать деньги на банк, упомянув в переводе,

чтобы они были уплачены мне франц(узской) или английской валютой. Теперь все так делают. Целую тебя и Лелика. Соне привет. Любящий тебя Степа.

16-24. Декабрь 1924 г. Одесса

Милая Муся. Шлю тебе, Коле и Сереже лучшие пожелания к праздникам, а главное – быть всем вам бодрыми и здоровыми в наступающем новом году; племянникам и племянницам – также. Всех вас целую и благодарю за сердечную обо мне заботу – только очень прошу тебя не волноваться, так как я надеюсь скоро получить место. Из Москвы и Ленинграда еще ответа не имел. Выехать к тебе или Сереже вряд ли удастся, так как сопряжено с большими хлопотами, которые могут пропасть даром – и расходами, которые колоссальны. Так, одна виза стоит 50 долларов. Билет, вероятно, еще того дороже. Нужно разрешение на въезд из той страны, куда едешь. Могут встретиться препятствия даже со стороны Главного политуправления. Спасибо, что сообщила о выставке, я заготовлю и пошлю в Москву или тебе. Опять снег у нас, сумрачно и тоскливо. Посылаю тебе эскиз обложки к моим стихам, которые думаю в скором времени выпустить в свет. По вечерам, если дома, пишу роман. Сегодня буду его читать у Мелеги. Он уехал на север, по возвращении напишет Коле. Твои открытки с котятами получил, очень забавные. У меня сейчас целых два, если буду переезжать, придется подарить. Целую тебя крепко-накрепко. Любящий тебя Степа.

12-25. 6 мая 1925 г. Одесса

Милая мама*. Очень давно не писал тебе, хотя и обещал, не обижайся, пожалуйста. Сегодня твой праздник, и мне очень тяжело, что мы не вместе. У нас уже давно полная весна, и 1-ое мая прошло

* Из письма следует, что Степа арестован и содержится в ДОПрЕ уже по крайней мере одну неделю (в конце апреля – начале мая 1925 г.). Он упоминает, что с «сердцем нездоровилось», просит, чтобы мать писала на адрес племянника Сержика (старшего моего сводного брата), но и, главное, мать он называет «мамой», а не Мусей, чтобы не вызывать подозрений у арестовавших его. Не знаю, насколько версия о несчастном случае со взрывом от гранаты на полигоне, со смертью курсанта, была правдивой. Скорее всего, сыграли два фактора: 1) он уже отчислен как преподаватель из курсантской школы офицеров и 2) его переписка с матерью, проживающей за рубежом. – П. Ч.

очень хорошо. Сейчас уже цветет сирень. Не имел и от тебя давно известий, не знаю, где, собственно, сейчас ты находишься, не уехала ли к Коле или к Сереже. Сержика и Вову вижу, Ваню и Верочку – тоже. Все, кажется, здоровы. Мне немного нездоровилось одно время, но теперь с сердцем лучше. Много рисую и пишу акварелью, но по вечерам читаю. Деньги твои – 1,5 червонца – еще не получил, хотя получил уведомление, что пришли. Пиши на Сержика адрес. Как здоровье и где проведешь ближайшие месяцы? Целую крепко тебя, Сережу и Колю, Адольфу, при случае, напиши от меня привет. Любящий тебя Степа.

14-25. 1925. Одесса (без даты)

От заключенного 1-го отделения, камера 42 Чахотина Степана
Милая мама. Очень обрадовался, получив твои четыре открытки. Крепко целую тебя, Колю и Сережу и благодарю. Сам давно тебе не писал, но надеюсь, ты не беспокоилась обо мне, зная, что я здоров. Сержик навещает меня еженедельно, он очень милый и сердечный, всегда заботится обо мне – приносит чего-нибудь. Была вчера у меня Анна Вас, постарела, но бодрая, работает. Я тоже много читаю и рисую. Скоро поставим пьесу, к которой я пишу декорации и занят инсценировкой. Журнал один получил, но предпочитал бы что-нибудь по спорту, по искусству или на научные темы. Надеюсь, ты отдыхаешь после тяжелой зимы. Целую всех крепко и желаю вам всем всего наилучшего. Любящий тебя Степа.

12-26. 24 мая 1926 г. Одесса

Новый мой адрес: ул. Свердлова, 28, кв. 10**.

Милая Муся. Все получил: и письмо, и открытки, и через Госбанк посланные 8 апреля 5 долларов и от Ольги Андреевны пока 20 рублей. Спасибо за все, крепко целую. Не писал тебе дольше, чем обыкновенно пишу, потому что перебирался на новую квартиру, а это дело серьезное, так как сейчас квартирный вопрос

** Бывшая Канатная улица. Это последний адрес проживания Степы. Здесь он был арестован в январе 1931 г. и отсюда были забраны все его вещи: письма от матери, картины, рисунки, коробки художественные, дневники, стихи, книги и пр. – П. Ч.

Одесса. Фасад дома на ул. Свердлова, 28
Фото П.С. Чахотина

стоит в Одессе очень остро. На лето съезжаются на купания, и приезжие, естественно, могут платить гораздо дороже нас. С большим трудом достал себе комнатуху – клетушку за 10 руб. в месяц и то хорошо, так как въездных платить не надо. Правда, хозяева – мелкобуржуазный мещанский элемент, но я постараюсь с ними иметь поменьше дела, тем более, что летом я редко когда бываю дома. Притом комната почти без мебели – без стола, одна железная кровать без матраца, 2 стула и умывальник! На Пироговской, конечно, было значительно лучше, и воздух там прекрасный, здесь же –

во дворе на Канатной, 2-ой этаж, летом жара будет адская. А уехать на Фонтан и вообще на дачу невозможно, так как уроками связан с городом, а ездить ежедневно – непроизводительный и притом большой расход. Не тревожься насчет моего купания – в этом году я совсем не заплываю, в воде сижу мало, да и купаюсь реже – времени нет. Наконец, настали жаркие дни, начинает цвести акация, очень хорошо, зелени много. Я немного поболел за это время – думал, что малярия, так как по вечерам беспричинно начинался жар (небольшой), а ничего не болело, теперь прошло, должно быть, был в легкой форме грипп и кашель, но теперь я откашливаю, и все обстоит благополучно. С уроками, правда, дело обстоит неважно: мой самый доходный урок – 16 руб. в месяц – занятие с зубным врачом по рисованию – стал расклеиваться, так как он очень занят своей практикой и не успевает, да и с другими дело обстоит плохо, только в школе жалование мне повысили – вместо 14 руб. получаю теперь уже 18 руб. в месяц. Хожу весьма ободранный, но пока терплю, так как необходимо беречь фонд

на поездку. Ты спрашивала насчет паспорта – он стоит дорого – для членов союза дешевле: вместо 300 руб. – 200 руб. и, кажется, еще 15 руб., всего 215 руб., у меня пока 60 руб. Кроме того, говорят, что будет повышена плата за него еще – чуть ли не 500 руб. Это вполне понятно, так как на лето многие уезжают на заграничные курорты, а не в Крым или на Кавказ. Вероятно, к осени понизят – придется ждать. Рисовать было сейчас некогда, но я скоро пошлю тебе открытки из серии месяцев – май, июнь и пр. Надеюсь, Сережа уже с тобой. А где Сержик? Его мать очень за него беспокоится, не имея писем. Вовка что-то болел, растет, всех перерос. Игорь выглядит молодцом. Как ты устроилась с комнатой? Удачно ли продаются твои корзинки? Получил я также несколько твоих марок, если найдешь, пришли юбилейные парижские марки и *Obock* (?), треугольные (вообще, колониальные). Береги здоровье! Твоя болезнь очень встревожила меня, жаль, что я не с тобой, поухаживал бы. Пиши по новому адресу. Крепко целую тебя, Сережу и Колю. Колю, хотя с опозданием, поздравляю с именинами, напишу ему скоро и Сереже – также. Целую еще. Любящий тебя Степа.

22-26. 9 сентября 1926 г.

Милая Муся.

Получил твое письмо с китайскими и колониальными марками. Большое спасибо, крепко целую и посылаю тебе с этим письмом открытку с рыбацкими лодками. Одно или два твоих письма, очевидно, не дошли, но заказными письма не посылай, а то дорого слишком тебе обходится переписка со мной. У меня все по-прежнему. В военкомате ответ еще не получен, зайду снова на следующей неделе. Слышал, что сейчас вообще никому паспортов не выдают, но это, вероятно, временно. После холодов вернулись теплые, почти жаркие дни, что очень приятно, можно купаться и принимать солнечные ванны. Занятия у меня еще не начались из-за перехода школы в другое здание. Хотели меня сократить, так как я взял удостоверение для получения паспорта, но так как я его не получил, то буду настаивать пока что на сохранении уроков, а то лишусь единственного заработка, который меня поддерживает. Время летит, вот уже и осень, но зиму, надеюсь, проведем вместе. Боюсь, что в Ментоне сейчас еще жарко

и пыльно, как бы это не повредило твоим легким. Володя, кажется, уехал в отпуск с товарищем в Крым, у него бесплатный проезд. Мне так за все лето и не удалось никуда съездить. Впрочем, летом Одесса еще терпима, зимой зато очень скверно и климат плохой. Пишу тебе мало сейчас, так как завтра экзамен у моего ученика и надо проверить его знания, а то еще провалится. Крепко еще раз целую тебя, Сережу и Колю. Береги здоровье, не утомляйся. Я здоров пока что. Любящий тебя Степа.

Посылаю тебе одну марку в 10 с.

3-27. 13 января 1927 г. Одесса, Свердлова

Милая Муся. Получил, наконец, журнал и твою открытку. Большое за все спасибо и целую крепко. Очень рад, что рисунки мои тебе нравятся, но, говоря откровенно, далеко не все удачны: часто спешу, не успеваю закончить или отделать. В этом письме посылаю еще три №№ 16, 17, 18, это раскрашенные мною оттиски с моих клише, может быть, для календаря какой-нибудь из них и пригодится. Могу послать еще, если тебе понравятся и пригодятся. Журнал для меня и моей знакомой, с которой сейчас, временно, из-за праздников, правда, я бросил заниматься английским, очень и очень пригодится и, по-видимому, интересный. Впрочем, есть все же много неизвестных слов, которые придется поискать в словаре. Боюсь только, что пересылка и стоимость всего обошлись тебе слишком

Одесса, 1929 г. Орнамент

дорого. Сообщи, пожалуйста, сколько заказных писем моих ты получила за последний месяц, я послал еще одно заказное – на днях с рисунками №№ 13, 14, 15. Надеюсь, это не пропадет. У нас установился санный путь и морозная солнечная погода, все катаются с гор. Я мало где бываю, так как занят. В театре очень давно не был. В кинематограф на праздники раз ходил. Жду Сережика. Целую Сережу, Колю и всех своих племянников, -ниц. Береги свое здоровье, не утомляйся. Целую крепко и тебя. У нас была перепись: оказалось в Абхазии нашелся очень бодрый старик 146 лет. Любящий тебя Степа.

21-27. 7 августа 1927 г.

Милая Муся. Опять и я тебе давно не писал и от тебя писем нет. Неужели ты на меня за что-нибудь сердиться? Мне приходится вечно откладывать писание писем, хотя никому, кроме тебя, не пишу. Сейчас лето, жара, с уроков приходишь совершенно заморенный и только и думаешь, как бы поскорее выкупаться. Все несчастье в том, что душа в квартире нет. Не могу также никак собраться выбелить свою комнату, для этого надо приводить в порядок вещи, книги, рисунки, а в комнате такая духота, что у меня было несколько дней подряд бессонница. Надеюсь, Сережа получил мою открытку и журналы. Я тебе писал в последний раз на *Ferma in Posta*, в Геную. Как ты себя чувствуешь у Сережи? Очевидно, институт в самом городе не расположен, удобно ли это для тебя? Боюсь, не переутомляешься ли ты, возясь с внуками. Приехал ли уже и Веня? Он старше, сколько ему лет? Скоро я пошлю тебе несколько моих снимков, то есть не я снимал, а меня снимал один мой знакомый. Я фотографией давно не занимаюсь, дорого, да и времени и места нет. Заработок у меня сейчас неважный. Главное, уехал редактор в отпуск на два месяца, и я сижу на бобах. Жду его приезда. Рисуя я много, но больше углем фабера и цветными карандашами, за последнюю неделю-две – сделал более 120 зарисовок. Это очень полезное упражнение, тем более, что не утомляет, так как делаю их на воздухе. Загорел я очень сильно. Анну Вас. и Эмму давно не видел, с Ваней изредка встречаюсь на улице. Уехал ли в Венецию Адольф? Я рад, что ты теперь от него избавилась. Целую

тебя, Сережу и племянников, крепко целую и жду весточки. Люб. тебя Степа.

Посылаю несколько зарисовок на этом же листе.

31-27. 29 октября 1927 г.

Милая Муся. Недавно тебе писал и надеюсь, ты получила открытку с «Парусами». Сейчас пользуюсь свободным временем и снова пишу, хотя новостей у меня никаких, ни хороших, ни дурных. С уроками у меня по-прежнему дело идет очень слабо в этом году, и это очень отражается на моем финансовом благополучии, вернее, неблагополучии. Замечательная только осень у нас, тепло, прямо как летом, настоящая Ривьера – Одесса могла бы быть прекрасным курортом для больных, к чему, собственно, дело и клонится. Сейчас идут значительные общественные работы в районе Ланжерона и Отрады, разбивка садов и скверов и проч. Лет через пять, а то и раньше Одессу совсем и узнать нельзя будет, настолько она приукрасится, хотя она всегда была чистым и заса-

женным деревьями городом. Море тихое и, главное, как зеркало, и даже по вечерам не чувствуется осенней сырости.

31/10. Не дописал третьего дня, а вчера тоже некогда было, а затем хотел послать тебе рисунок и открытку – эскиз костюма,

что и делаю сейчас. Встретил Игорька, он сообщил мне, что приехал уже дней пять назад Сержик, я Игорю сказал, чтобы Сержик зашел ко мне вчера до 12 ч. дня, но он почему-то не был. Игорь утверждает, что он теперь отлично говорит по-немецки, с настоящим берлинским акцентом. Ваню видел я вечером вчера, на волейбольном матче, он там главным инструктором. В субботу была годовщина смерти папы, я условился с Анной Вас. пойти на могилу в следующее воскресенье. Тепло у нас продолжается, по газетам и в Европе всюду то же самое, значит, и у тебя в Ментоне. Но вчера вечером мне уже пришлось одеть пальто, которое мне уже служит чуть ли не 4 года, сперва было шинелью, а в прошлом году перешил, покрасил и в этом году снова отдал в окраску, так как вылиняло. Пришлось купить готовый пиджак, темно-синий, так как на заказ дорого, материи подходящей не было, а то весь прошлый год ходил в гимнастерке, и ничего нет, кроме летнего из парусины. Вот и все новости, милая Муся, крепко целую тебя, Сережу и Колю и племянников. Береги здоровье и не унывай. Люб. тебя Степа.

P. S. Только что почтальон принес твое письмо от 19/10.

3-23. 22 января 1928 г.

Милая Муся. Почти неделю уже все собираюсь тебе писать и не могу, наконец, сегодня, в воскресенье, грипп мой как будто оставил меня, и я в состоянии приняться за письмо. Постараюсь к завтрашней почте еще присоединить какой-нибудь набросок. Спасибо тебе и Коле за письма, крепко целую. У Янушевских

я был раз, но не застал дома, зайду, может быть, завтра. Вчера еще чувствовал себя отвратительно, был жар и как-то со среды еще нервы растрепались, а тут еще те немногие уроки, что есть у меня, пропускать невозможно. Постоянные перемены погоды (теперь после слякоти – ветры) отражаются на здоровье всех поголовно. Боюсь очень, не сыро ли и не холодно ли у тебя на новой квартире, установилась ли у вас теплая погода? Меня очень огорчает, что Сашуня такой неудачник. Сержик был у меня, пока я был нездоров, оказывается, Эмма уже полтора месяца как больна, лежит с сухим плевритом. В течение этой последней недели состоялось мое снятие с одного учета, а с завтрашнего дня поступаю на учет военный, так как мне еще только 39 лет*. Только через некоторое время можно будет возбудить ходатайство о снятии и с этого. Ваня, кажется, снят, но, кажется, не столько по возрасту, сколько по состоянию здоровья. Заказчица полностью за оба плаката не заплатила, да и ученики неаккуратно платят, что создает не очень неблагоприятное финансовое положение. Надеюсь, к весне дела мои поправятся. Сегодня уехал на месяц в Берлин один бывший мой сослуживец и даже подчиненный, очень симпатичный молодой еврей Блиндерман. Хотел дать ему поручение купить «минеральные краски», ими, говорят прекрасно рисовать декоративные сюжеты, но прозевал поезд. За время болезни написал небольшой рассказ «Шестой палец на руке», если буду продолжать, может быть составится небольшой сборник к весне, тогда предложу издательству. Спрашивал о бумаге *Wlinsi* (лечебной), для чего она? Спасибо за марки. Не траться, береги здоровье, не утомляйся, вот это главное. Крепко целую тебя, Сережу, Колю. Жду весточки. Уехал ли Адольф, вернул ли тебе картину? Любящий тебя Степа.

Январь 1929 г.

На обратной стороне рисунка с изображением комнаты по ул. Свердлова, д. 28.

Мой рабочий стол, справа полка с книгами, там же твоя карточка в рамке в форме сердца, на стене – марина (*морской пей-*

* Вот беда и издевательство над людьми. – П. Ч.

Одесса, 1929. Комната художника на ул. Свердлова, 28 (б. Канатная)

заж), на окне чахлые папоротники. На столе пепельница с колибри (Константинополь) и турецкий табурет. На окне портфель. Подставка для электрической лампочки – старый папин фарфоровый персидский подсвечник. На столе: перья, карандаши, украинские книги и *Wlinsi*.

14-29. 12 мая 1929 г.

Милая Муся.

Получил сразу два твоих письма (почему-то совершенно вскрытых)**. До сентября, вероятно, паспортов никому давать не будут, т. к. начался летний курортный сезон. Коле я напишу на днях. Узнал, что за небольшую посылку – 1,5 фунта какао, 5 фунтов. рису и немного сахара (песок) и фунтов 5 белой муки – берут пошлину не более 4 руб. Но шоколад, конфеты и прочие *objets de luxe* посылать нет смысла. Скоро напишу тебе в Геную, но сообщи адрес. Крепко целую тебя, Сережу, детей и Сашуню. Любящий тебя Степа.

** Дело, вероятно, рук цензуры. – П. Ч.

Одесса, 1926 г. В парке

15-29. 23 мая 1929 г.

Милая Муся. Получил от тебя последнее письмо также вскрытое, но затем запечатанное сургучом. *Merci*, но *Wlinsi* мне пока не нужен, эвкалипт же, пожалуйста, пришли еще.

25-29. 4 октября 1929 г.

Милая Муся. Давно не писал тебе письма и не размазывал. Прости великодушно. На днях (вчера) пришло твое письмо с *Wlinsi*, крепко целую и благодарю. Как ты устроишься на зиму, вот что

беспокоит меня, а также твое и Сережино материальное положение. Вы оба слабые и болезненные, вечно завалены работой и заботами. Я вот, например, как ни плохи мои дела, а здоровье мое несколько от этого и вообще не пошатнулось – лишь бы тепло было и солнечно. В этом году простояло у нас чудесное лето и осень не хуже – такая уйма солнечных теплых дней еще и сейчас! Что касается моих дел, то в начале ноября они непременно должны поправиться, так как на последние 2-3 дня я уже заручился работой, оплата которой, к сожалению, конечно, осуществится только через месяц. Но и это хорошо. У меня большой прилив бодрости и интереса к жизни, тем более, что в перспективе иллюстрации к Сережиному рассказу, которые я уже обдумываю и надеюсь выполнить удовлетворительно. У нас сейчас замечается повышенный интерес к изучению иностранных языков – в особенности к немецкому и английскому, ну а мне это не трудно, да и я в украинском сделал незаметно для себя успехи и буду продолжать в этом направлении, т. к. он стал более, чем необходимым. Правда, в этом году я еще пока не посещаю курсов, т. к. ни копейки нет свободной и пока я еще в долгах с ног до головы. Все же Колина помощь (теперь уже получил все 17 руб.) очень выручила меня. Напиши

ему непременно, чтобы он был в курсе дел. Посылаю снимок моих «горшков» – кое-что уже разобрано из них и из брошек, но за гроши или в долг. Хотел бы заняться фото, но материалы все еще для меня дороги. Жаль, что ты не видишь моих работ в красках. Крепко целую тебя и жду новой весточки. Береги драгоценное здоровье свое. Люб. тебя Степа.

Серее передай или перешли прилагаемое письмо.

5-30. 18 февраля 1930 г.

Р. С. Мне очень нравится твоя идея составить из моих рисунков альбом. Я бы тебе посоветовал, чтобы рисунки были наклеены на разноцветную плотную бумагу и переложены папироской, т. к. иначе многие из них сотрутся, т. к. не все выполнены тушью или красками. Кроме того, наклеивать их при помощи обычного гуммиарабика тоже нельзя, т. к. с течением времени он действует разлагающим образом на краски, проходя даже через плотную бумагу. Есть специальный фотографический клей в тюбике, он недорогой и очень удобный. Целую еще. Посылаю тебе один рисунок.

9-30. 5 апреля 1930 г.

Милая Муся. Вчера получил твою открытку, коротенькую, по которой догадался, что Вы изволите на меня сердиться. Долго и от тебя вестей не имел, но журналы получил, хотя и с опозданием, вероятно, посидели в цензуре. За все благодарю и крепко целую. Но удивляюсь, почему ты писем моих не получаешь. После начала марта я писал тебе не менее 2 или 3-х раз и каждый раз посылал рисунок или два, значит, пропали. Сейчас я пишу тебе после перерыва в 10 дней, но это молчание вполне объяснимо, т. к. 12/3. меня сократили на моей маленькой службе по преподаванию языков, я очутился буквально на мели и должен был, как белка в клетке, искать заработка, устал и измучился порядочно, пока достал 2 заказа, которые надо было выполнить срочно, я просиживал ночи и дни, мелкая, детальная работа, где приходится все время усиленно напрягать внимание и зрение – чрезвычайно изнуряет, затрачиваешь громадное количество энергии, в особенности если и без того организм слаб, благодаря неважному питанию.

26-30. Прибл. 20 ноября 1930 г.

(Начала письма нет...)

...Только конверт был совсем разорван и подвязан веревкой. Получила ли ты обратно свою посылку?

1-31. 3 января 1931 г. (Последнее письмо Степы своей матери. – П. Ч.)

Милая Муся. Сейчас, наконец, получил твое письмо от 22 декабря, опять в разорванном конверте, перевязанном веревочкой – тебе надо бы поискать попрочнее конверты. Спасибо большое за все, за забавную *carte postale* (открытку), марки и пластырь. Крепко целую тебя. Только очень удивляет меня, что до того ты не получала так долго писем – лишь от 16 ноября. Я тебе писал после – в промежутке между 16 ноября и 10 декабря. Очень странно и досадно, что ты какого-то так и не получила*. Снимок вышел прелестный, и ты на нем гораздо удачнее вышла, чем на прежних. У Сережи тоже довольно круглое лицо, а Женя совсем молодец, он мне очень нравится. Я напишу им, да сейчас денег на марки совсем нет. Мне не повезло в конце декабря – имел несчастье сперва потерять как-то 5 рублей из кармана пальто или пиджака, а накануне Нового года старенькое мое зашитое и перезашитое портмоне выскочило каким-то образом из кармана брюк (там, правда, оказалась порядочная прореха, чего я раньше не заметил). Благо еще, что было там всего 3-4 рубля, но и то это были последние, так что остался даже без мелочи. Праздников я совсем не праздновал и Нового года не встречал, у нас это не в моде. С работой сейчас дело обстоит скверно. К тому же лишился урока (10 р. в месяц), может быть, впрочем, лишь до возвращения матери ученика, а там будет видно. Кое-как пробавляюсь, залезая в долги и не представляю себе, как из них вылезу. С другой стороны – кое-кто из знакомых меня не забывает – так я получил в подарок еще один шелковый галстук, да еще 2 куска мыла (туалетное и стирочное), немного курева. Вчера имел мясной обед за урок, а то в столовых голодно или дорого (если мясо). Настроение у меня все же было хорошим, если бы чем-то не испортил себе желудок 2 или 3 дня тому назад, что со мной очень редко бывает (не более одного раза в год), сегодня лучше. Спасибо тебе также за *Daudet*, Тар-

* Степа на мушке – его «пасут» энкаведэшники перед самым арестом. – П. Ч.

тарена хотя я и читал, но с удовольствием перечитаю снова, а *Tartarin-port* не читал еще. Слышал, что очень модный новый роман какой-то писательницы – «*Les deux baisers*», кажется. Если случится в дешевом издании – пришли, пожалуйста, при случае. Я написал несколько новых стихотворений, но легко-го шуточного содержания – скорее

Одесса, 1925 г. В сугробах

эпиграммы, м. б. как-нибудь и пошлю тебе. Камилла очень тебе благодарна за карточку поздравительную, она всегда очень внимательна и заботлива ко мне. Посылаю тебе с этим письмом еще два снимка с моих рисунков, кажется, не посылаю тебе, но временно пришлось бросить снятие их и печатание, т. к. дела мои плохи. Очень удачно у меня получилось с ботинками и калошами – одна знакомая устроила мне покупку для меня с рассрочкой ботинок и калош (правда, не новых) за 20 рублей (это около 350 франков) – очень дешево, а то мне не в чем было уже выходить на улицу, а к тому же были сильные морозы и снег все последнее время. Так что теперь на несколько месяцев я обувь обеспечен. Пока заплатил за них 8 рублей. Меня очень интересует, какие мемуары ты переводишь – интересны ли они? Я все хочу тоже заняться переводами, но как-то все отрываешься ирываешься на мелочи, чтобы в желудке пусто не было. Рад, что у тебя печка, но с этими керосинками возня, надо очень тщательно следить за фитилем, чтобы запаха не было. Вот у меня в этом отношении чудесно – хозяева топят почти через день, и так тепло, что 2-3 мухи еще летают. С холода придешь и всегда сразу согреешься. Знакомые получают посылки, главным образом, продуктовые – рис, крупу, какао, жиры. Сахар у нас есть теперь. Если не более 4,5 кило – то пошлина не очень большая и даже до 10 кило, но очень все это долго идет. Целую тебя еще раз крепко. Колю, Сережу и племяш также. Кончаю письмо, т. к. иду обедать, проголодался – значит, и с желудком уже хорошо. Береги свое здоровье. Не утомляйся с мемуарами.

Люб. тебя Степа.

Одесса. Слева от балкона на втором этаже – окно комнаты на ул. Свердлова, 28, где жил Ст.Ст. Чахотин до ареста в 1931 г.

Это было последнее письмо. Около 15-го января 1931 г. ночью на улице Свердлова, 28, кв. 30, Степан Степанович был арестован, а также Камилла Петровна и несколько других человек. Через полгода Камилла Петровна была освобождена из-под ареста. Степан был расстрелян.

Публикация Петра Чахотина
Италия

От редакции. Просьба ко всем читателям, у кого могли сохраниться рисунки, стихи Степана Чахотина, сообщить об этом во Всемирный клуб одесситов: +38 (048) 725-45-67.

